

П Р И Л О Ж Е Н І Е

къ № 109-му газеты

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ.

Воскресенье, 19-го мая 1902 года.

Наиболѣе значительными произведеніями—и по объему, и по содержанію—представляются въ этихъ томахъ разказы «Дуэль» и «Палата № 6». Въ свое время они были замѣчены и читателями, и критикой, и теперь говорить о нихъ въ краткой замѣткѣ было бы и неудобно, и излишне. Возьмемъ сюда изъ этихъ томиковъ то, что можетъ непосредственно насъ интересовать и до насъ касаться.

Читая «Дуэль», слѣдя за тѣмъ, какъ день за днемъ монотонная жизнь маленькаго городка складывала изъ своихъ мелочей серьезную житейскую драму, наблюдая вмѣстѣ съ писателемъ-художникомъ душевную жизнь его героевъ, вы вѣроятно прошли мимо одного лица, едва-ли надъ нимъ раздумавшись. Правда, и затронуто оно въ разказѣ мимоходомъ, однако и тѣхъ немногихъ штриховъ, которые удѣлилъ ему авторъ, достаточно, чтобы вернуть ваши мысли къ одному крупному вопросу нашего военного быта. Къ денщицъему вопросу.

Помните-ли вы фигуру военнаго доктора Самойленко?

На всякаго вновь пріѣзжавшаго онъ производилъ непріятное впечатлѣніе бурбона и хрипуна (грибоѣдовское выраженіе; хрипунѣмъ обозвалъ Чацкій Скаловуба), но проходило два-три дня послѣ перваго знакомства, и лицо его начинало казаться необыкновенно добрымъ, милымъ и даже красивымъ. Несмотря на свою неуклюжесть и грубоватый тонъ, это былъ человекъ смирный, безгранично добрый, благодушный и обязательный. Со всѣми въ городѣ онъ былъ на ты, всѣмъ давалъ деньги взаймы, всѣхъ лечилъ, сваталъ, мирилъ... всегда за кого нибудь хлопоталъ и просилъ и всегда чему нибудь радовался...

Чтобы скучно не было и снисходя къ крайней нуждѣ пріѣзжавшихъ и несемейныхъ, которымъ за неимѣніемъ гостиницы въ городѣ негдѣ было обѣдать, докторъ Самойленко держалъ у себя нѣчто вродѣ табль-дота... Готовилъ денщикъ. Казалось-бы, этой «казенной прислугѣ» должно было житься недурно у этого одинокаго добраго «барина»... Однако, вотъ какую картинку его житья-бытья рисуетъ намъ Чеховъ.

... Въ кухнѣ и около нея въ сѣняхъ Самойленко, безъ сюртука и безъ жилетки, съ голой грудью, волнуясь и обливаясь потомъ, суетился около столовъ, приготавливая салатъ, или какой нибудь соусъ, или мясо, огурцы и лукъ для окрошки и при этомъ злобно таранилъ глаза на помогавшаго ему денщика и замахивался на него то ножомъ, то ложкой.

— Подай уксусъ! — приказывалъ онъ. То бишь не уксусъ, а прованское масло! кричалъ онъ, топая ногами. Куда же ты пошелъ, скотина?

— За масломъ, ваше превосходительство (докторъ имѣлъ чинъ статскаго совѣтника), говорилъ оторопѣвшій денщикъ надтреснутымъ теноромъ.

— Скорѣй! оно въ шкафу.

...Накрой сметану, раззява, а то мухи налѣзутъ.

И отъ его крика гудѣлъ весь домъ... Наконецъ, дверь (въ столовую) отворялась и замученный денщикъ объявлялъ: кушать готово!..

И такъ жилъ изо-дня въ день четыре—пять лѣтъ этотъ человекъ, этотъ «скотина», этотъ «раззява»,—такъ проходилъ онъ свою службу—«Царскую службу», какъ выражались, поди, въ деревнѣ родители этого «раззявы».

Боже мой, Боже мой! Вырвать человека изъ родного гнѣзда, тащить его пятнадцать тысячъ верстъ, потомъ вогнать въ чухотку и... и для чего все это, спрашивается?—возмущается въ другомъ разказѣ («Гусевъ») нѣкій Павелъ Ивановичъ за судьбу умиравшаго въ судовомъ лазаретѣ солдата Гусева.—Для того, чтобы сдѣлать изъ него денщика для какого-нибудь капитана Копѣйкина или мичмана Дырки. Какъ много логики!

— Дѣло не трудное, Павелъ Ивановичъ—возражаетъ Гусевъ—встанешь утромъ, сапоги почистишь, самоваръ поставишь, комнаты уберешь, а потомъ и дѣлать нечего. Поручикъ цѣлый день платитъ чертить, а ты хочешь Богу молиться, хочешь—книжки читай, хочешь—на улицу ступай. Дай Богъ всякому такой жизни.

— Да, очень хорошо! Поручикъ платитъ чертить, а ты весь день на кухнѣ сидишь и по роднѣй тоскуешь... Платы... Не въ платахъ дѣло, а въ жизни человѣческой! Жизнь не повторится, щадить ее нужно.

— Оно, конечно, Павелъ Ивановичъ, дурному человѣку нагдѣ пощады нѣтъ, ни дома, ни на службѣ, но ежели ты живешь правильно, слушаешься, то какая кому надобность тебя обижать? Господа образованные, понимаютъ... За пять лѣтъ я ни разу въ карцеръ не сидѣлъ, а бить было, дай Богъ память, не больше одного раза...

— За что?

— За драку... Вошли къ намъ во дворъ четыре манзы; дрова носили... Ну, мнѣ скучно стало, я имъ того, бога помялъ, у одного проклятого изъ носа кровь пошла... Поручикъ увидѣлъ въ окошко, осерчалъ и далъ мнѣ по-уху...

— Глупый, жалкій ты человѣкъ... — шепчетъ Павелъ Ивановичъ—ничего ты не понимаешь.

Этими немногими строками, разбросанными въ двухъ чеховскихъ разсказахъ, денщикій вопросъ обрисованъ и ярко, и полно. Каторжный трудъ—у однихъ «господъ», бездѣлье—у другихъ; трудъ, не тотъ, на который шелъ по призыву, трудъ, не дающій удовлетворенія, служба лицу, а не дѣлу, — даже не одному лицу, а нѣсколькимъ. Извѣстны случаи, когда постоянный вѣстовой сына офицера обращался въ прислугу при меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ его матерью, теткою или сестрою... Вѣдь ничто такъ не развращаетъ, какъ чужой даровой трудъ... Развращаетъ и бездѣлье. Отъ скуки у денщика «руки чешутся» на разные «художества». Бездѣлье въ чужомъ хозяйствѣ, когда рабочія руки такъ дороги въ своемъ...

Вопросъ о казенной прислугѣ господъ офицеровъ серьезный вопросъ и въ идейномъ, и въ матеріальномъ отношеніи; подходить къ его разрѣшенію слѣдуетъ осторожно, но идти все же надо, потому что ненормальность такого порядка вещей становится тѣмъ очевиднѣе, тѣмъ глубже проникаетъ въ народъ сознаніе принциповъ всеобщей воинской повинности.

Правда, Гусевъ всякому такой желаетъ жизни, его денщикество не кажется ему аномаліей... Но это не всегда такъ. «Замученный» и изруганный на всѣ лады денщикъ д-ра Самойленко о выпавшей ему долѣ былъ, вѣроятно, много мнѣнѣе... А между тѣмъ этотъ военный докторъ былъ еще изъ лучшихъ, потому что въ основѣ своей былъ хорошей души человѣкъ. А есть всякіе «господа...»

Разсказъ «Гусевъ» интересенъ и другими чертами. Мѣсто дѣйствія—судно, идущее съ дальняго востока. Въ судовомъ лазаретѣ пять больныхъ: три солдата, матросъ и Павелъ Ивановичъ—«неспокойный человѣкъ», какъ говорили о немъ его товарищи по лазаретной койкѣ, «воплощенный протестъ», какъ называетъ онъ себя самъ.

«Видю произволь—протестую, вижу ханжу и лицемеръ—протестую, вижу торжествующую свинью—протестую. И я непобѣдимъ, никакая испанская инквизиція не можетъ заставить меня замолчать. Да... Отрѣжь мнѣ языкъ—буду протестовать мимикой, замуравь меня въ погребъ—буду кричать оттуда такъ, что за версту будетъ слышно, или уморю себя голодомъ, чтобы на ихъ

черной совѣсти однимъ пудомъ было больше, убей меня—буду являться тѣнью. Всѣ знакомые говорятъ мнѣ: «Невыносимѣйшій вы человѣкъ, Павелъ Ивановичъ!». Горжусь такой репутацией. Прослужилъ на дальнемъ востока три года, а оставилъ послѣ себя память на сто лѣтъ: со всѣми разругался. Пріятели пишутъ изъ Россіи: «Не пріѣзжай». А я вотъ возьму, да на зло и пріѣду... Да... Вотъ это жизнь...

И лежа теперь на лазаретной койкѣ, самъ дыша «на ладанъ», Павелъ Ивановичъ все еще протестуетъ и возмущается за другихъ.

«Мнѣ все казалось страннымъ,—говоритъ онъ своему сосѣду, Гусеву,—какъ это вы, тяжело больные, вмѣсто того, чтобы находиться въ покоѣ, очутились на пароходѣ, гдѣ и духота, и жаръ, и качка, все, однимъ словомъ, угрожаетъ вамъ смертью... Вѣдь знаютъ, что вы не перенесете этого далекаго перехода, а все-таки сажаютъ васъ сюда! Ну, положимъ, до Индѣйскаго океана вы дойдете, а потомъ что? Страшно подумать...

Потомъ? Умираетъ одна солдатъ... Умираетъ самъ Павелъ Ивановичъ... Умираетъ Гусевъ... Изъ пяти жильцовъ лазарета осталось только двое... А до Россіи еще далеко... Впереди еще Индѣйскій океанъ, впереди страшное Красное море... Какъ будто «неспокойный человѣкъ» и правъ былъ.

Напомню, что Чеховъ, путешествуя въ концѣ 80-хъ годовъ на Сахалинъ, могъ наблюдать все это лично, и въ негодующихъ рѣчахъ Павла Ивановича, быть можетъ, есть частица и авторскаго негодованія. Къ тому-же онъ самъ врачъ... Связь этого разсказа съ книгой Чехова о Сахалинѣ можно было-бы установить и достовѣрнѣе, если-бы разсказы были датированы. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ; для критика, для бібліографа—это серьезный пробѣлъ въ изданіи чеховскихъ произведеній А. Ф. Марксомъ.

Въ заключеніе останавлиюсь на небольшомъ разсказѣ—«Учитель словесности» (т. VIII). Съ его страницъ на меня пахнуло чѣмъ-то знакомымъ,—глянули блѣдныя, но выдачныя уже лица... Изъ «Трехъ сестеръ»... Драма эта написана значительно позднѣе разсказа объ учителѣ словесности и въ отношеніи ея онъ является эскизомъ. Развѣтіе типовъ только намѣчено, но въ самомъ учителѣ словесности Никитинѣ, собирающемся бѣжать отъ окружающей его пошлости и нигуда не убѣгущимъ, вы прозрѣваете судьбу Андрея Прозорова, кончившаго такимъ ничтожествомъ... Въ женѣ Никитина—Манюсѣ, считающей порядочнымъ только того мужичку, который, бывая въ чьей-нибудь семьѣ, связываетъ затѣмъ себя съ нею узами Гименея,—сидитъ та-же «мѣщаночка» Наташа... Пріятель Никитина, педагогъ Шеладинъ, говорящій всегда только то, что всѣмъ извѣстно: «безъ пища люди не могутъ существовать» или «до сихъ поръ вы не были женаты и жили одни, а теперь вы женаты и будете жить вдвоемъ» — тотъ-же Кулыгинъ. И также двухъ сестеръ Шелестовыхъ — Варю и Маню — окружаютъ офицеры и такъ-же эти офицеры—охотники философствовать.

Еще разъ приходится пожалѣть, что нельзя опредѣлить, сколько лѣтъ легло между этими, не обратившимъ на себя особаго вниманія эскизомъ и тѣмъ большимъ полотномъ—драмой, которая вызвала столько споровъ и недоразумѣній.